

НЕВСКИЙ проспект, как и во все времена, прекрасен и полон по-прежнему тайн — стоит нам только на минуту остановить свое кружение, прислушаться, взглядеться — пристанет к нему в лицо, а иногда и просто сделать несколько шагов в сторону от него. Он не обманет наших ожиданий.

Продвигаясь же по Невскому, пересечем площадь Восстания в направлении Александрово-Невской лавры и сделаем те несколько шагов чуть в сторону, которые необходимы всегда, чтобы совершить открытие по крайней мере для себя. Вот оно: живой театр.

Вполне допускаю, что при этих словах у вас, дорогой читатель, неминуемо зародилось несобъяснимое, с трудом поддающееся анализу чувство недоверия. То же самое было со мной, когда я случайно услышала про этот самодеятельный театр, который, оказывается, в своем нынешнем качестве существует во Дворце культуры имени Ф. Э. Дзержинского с 1976 года. «Если этот театр столь интересен, почему я раньше о нем не знала, тем более меня ведь давно интересует самодеятельное творчество?».

Настороженно переступила я порог театра и стала тем восьмидесятым зрителем, после которого в зале яблоку негде упасть.

Павали «Думы» Шукшина. Заиграла надтреснуто балалайка (магнитофон явно капризничал), я обреченно подумала: «Началось!» И началось.... Вышел на сцену среднего роста, средних лет мужчина в кургузом každодневном пиджаке, повернул к нам спинку стула, где распят был плакат «Билетик на второй сеанс», и таким образом я, а теперь вместе со мной и вы очутились во власти народного литературно-драматического театра, где господствует так называемый «чтецкий» жанр, сейчас, кстати, не слишком популярный.

«Нет непопулярных жанров. Есть наше неумение сказать зрителю то, что он жаждет от нас услышать и никак не дождется», — из разговора с режиссером этого народного литературно-драматического театра, где играют 33 актера, средний возраст которых 33 года, а мужчин среди них, конечно, 11, а женщины, как водится, влече больше и, замечте еще, у 80 процентов всех актеров образование непременно высшее техническое, у некоторых, правда, незаконченное.

«Билетик на второй сеанс» М. Малкин прочитал так неожиданно страстно, с таким богатством интонаций и, главное, так точно по Шукшину (во всяком случае, как это понимаю я), что преубежденное мое почулось, но не полностью. Случайность. Впереди — остальные исполнители... Как они себя покажут?

Остальные исполнители — О. Мишина («Беспалый»), В. Ключкина («Осенью»), В. Журбин («Верую!») действительно показали себя — и вот уже я позабыла о том, что балалайка надтреснутая, и что актеры непривычно близко стоят (своей большой крупной план) и буквально заглядывают в душу, и что они совсем не актеры, а просто...

Был театр.

Спектакль отыграли. Зрители — просветленные, потрясенные. Из кинга пожеланий: «Спасибо вам огромное!! Вы помогли мне разобраться...», «Спасибо за этот маленький сильный и очень лужный спектакль. Да что спектакль — это как в жизни!». «Не могла представить, что можно так переживать, слушая чужа. Не просто удивлена — восхищена, тем более что выступили непрофессионалы. Обязательно приду еще, чтобы благодаря вам стать лучше, выше, чтобы слова испытать чувство единения». (Подписи: Молчанов. Врублевский. Андреева). Между тем я уже опамятавалась, и сопротивление вступило в новую фазу: «Один спектакль — у кого не бывает удач!»

Потом были другие спектакли: «Вокруг Маяковского» (М. Кольцов, И. Эренбург, В. Шкловский, Н. Асеев, Б. Пастернак, В. Маяковский, М. Цветаева), «Пестрые рассказы» Чехова, «Это было давно» Зошенко, «Вслух про себя» (Ф. Абрамов, А. Битов, Н. Евдокимов, Л. Жуховицкий). Наконец «Собственным голосом» (Ж. Кокто, Б. Шоу, К. Гольдони, С. Мюсс, А. Моравиа) — в исполнении О. Мишиной, к слову сказать, первый моноспектакль в любительском театре, «Стыдно быть несчастливой» по А. Володину — новый моноспектакль в исполнении М. Малкина, после которого театр, правда, незримо торжествовал победу над своим самым в тот момент скептически настроенным зрителем.

Этот театр для меня живой, потому что он — «думающий театр» (по определению Питера Брука, английского

режиссера). С подмостков театра не прозвучало ни единой фальшивой ноты (бог с ней, с надтреснутой балалайкой!) — поэтому он для меня высокогражданственный театр, способный проникать в более глубокие пласты реальности, чем повседневность.

И не только для меня этот театр живой, он живой для каждого зрителя, что приходит сюда не отдыхать от жизни, а познавать жизнь, но все-таки самый живой он, по всей видимости, для актеров, очень серьезно, с невероятной отдачей играющих на его скромных подмостках.

— Что даст нам театр? — попрос к актерам.

Ответы: — Даст все. — Желание жить, силы жить, радость жить. — Ницу для ума и души, возможность духовного совершенствования. — Радость человеческого общения. — Новое знание классической и современной литературы. — Помогает видеть дальше своего носа и быть гражданином. — Хотели бы уйти в профессиональный театр?

Ответ большинства: нет!

— Что в нас изменил театр?

Ответы: — Я стал духовно богаче. — Поверил в себя, в людей. — Изменилось отношение к людям, вещам. — Стала сильнее и счастливее. — Узнал, понял, почувствовал. — Познался красоте и богатству русского языка. — Захотелось жить. — Нетерпение относиться к собственным недостаткам. — Четче стало гражданское сознание.

В этом театре, да и не только в нем, но и во всех коллективах художественной самодеятельности Дворца культуры созданы реальные возможности «для применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований, для всестороннего развития личности» (Конституция СССР, ст. 20). Коммунистический принцип «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» осуществляется здесь на практике.

За всеми этими 33 актерами и актрисами, чьи судьбы так сложны, а характеры столь просты (а у кого из нас в 30—35 лет жизнь подчас не трешит по нам? Кто из нас, современных женщин и мужчин, может похвалиться ангельским характером — всем нам палыны в рот не клади!), чувствовалось, стоял необычно сильный как личность режиссер, к тому же с безупречным литературным вкусом (все инсценировки и литературно-драматические композиции были сделаны его рукой). Это он, вернее, она направляла своей волей и серд-

цем не только виденные мной спектакли, но в определенной мере судьбы вверившихся ей людей.

Познакомьтесь, пожалуйста, с Ириной Михайловной Паниной — милой, совсем нехрупкой, почти того самого тридцатилетнего среднестатистического возраста, что и все актеры. Если мы с вами встретим Ирину Михайловну на Невском, когда она едет домой в троллейбусе, а потом идет по улице Гоголя, пожалуй, не догадаемся, что профессия у нее — режиссер.

С чего же все началось?

Все началось с того, что в 16 лет она знала уже точно, что пойдет куда угодно, только не в Театральный, хотя мечтала стать актрисой, но мама уже давно произнесла свое бесповоротное «нет!» — мол, хватит в доме одной актрисы (этой актрисой была сама мама). Поступила в Университет

на химфак, хотя всю жизнь не меньше театра любила математику.

Любила математику, училась на химфаке, а по вечерам самозабвенно (тайком от домашних) играла в студенческом театре Университета, в то время руководимом В. В. Петровым. Когда тайное сделалось явным, мама только рассмеялась: «Любительский театр не победит жизни. Жизнь выше его. Играй!».

Окончила Университет, стала работать по специальности. И вот однажды партнер по студтеатру попросил ее подыграть ему на экзаменах в Институт культуры, куда он поступал. Она так подыграла ему, что случился форменный пассаж: партнера не приняли — приняли ее, хотя она уже оставила все мысли о театре. Приняли — стала учиться на вечернем отделении режиссерского факультета по классу И. И. Милюткина. То были труднейшие годы, когда для нее началось постижение актерского мастерства и искусства театра. Со стороны выглядело все в высшей степени дерзко: двадцатилетняя самоуверенная девица, ни в чем не знавшая удержу, — это внешне, а внутри все дрожало от неуверенности.

Окончила институт — и три незабываемых года прожила на Дальнем Востоке. Жена офицера, актриса Дальневосточной филармонии, из конца в конец исколесила она Сибирь, Камчатку и весь Дальний Восток.

В 27 лет вернулась в Ленинград (дочке Юле месяц), стала преподавать заочникам сценическую речь в Институте культуры. Студенты всех курсов и всех факультетов валом валили теперь к ней на зачеты и на экзамены — отбоя от них не было.

И вот уж совсем неожиданный поворот судьбы (не думала — не гадала): она — руководитель студии художественного слова в том самом Дворце культуры, где работает и поныне. Студия эта в 1976 году была преобразована в народный литературно-драматический театр, спектакли которого «Перекресток», «Ставка на доверие», «Вслух про себя», поставленные Паниной совместно с режиссером Г. Руденко, сделались для театра программными.

Через три года Г. Руденко уходит режиссером в профессиональный театр. Ее тоже приглашают, предвещая, что, если не уйдет, «угробит свой талант на самодеятельности», — но не ушла. И, как явствует из рассказа, «не угробила». Мало

ЖИВОЙ ТЕАТР